

Использование анимистических представлений древних восточных славян в воспитании детей и уходе за ними

Радул Ольга Сергеевна - кандидат педагогических наук, профессор кафедры Педагогики дошкольного и начального образования Кировоградского государственного педагогического университета им. В. Винниченка. (КГПУ, г.Кировоград, Украина)

Аннотация: Особенностью традиционной педагогики восточных славян с древних времен была ее тесная связь с языческими представлениями, составляющей частью которых был анимизм. В статье рассмотрено использование в воспитании детей и уходе за ними обращение к добрым и злым духам, существовавшее у белорусов, русских и украинцев вплоть до конца XIX в.

Ключевые слова: Народная педагогика, восточные славяне, воспитание, язычество.

Народная педагогика восточных славян издавна использовала древние языческие представления в воспитании детей. Составной частью славянского язычества был анимизм, деление духов на добрых и враждебных человеку. Эти верования нашли свое отражение в воспитании детей еще в XIX в.

Уже само время рождения ребенка – день (господство добрых сил) или ночь (господство злых сил) – было важным для древнего славянина. Историк XIX в. Н. Сумцов отмечал, что согласно народным поверьям счастье человека зависело от многих обстоятельств, сопровождавших его рождение. Ночное рождение считалось одним из неблагоприятных условий. В одной из украинских песен женщина, обращаясь к матери, говорит: или ты родила меня ночью, что всем дала добрую долю, а мне несчастную? В этом поверье скрывается давнее представление о ночной темноте, как источнике всякого зла, о ночи, как времени господства злых духов [16, № 10, с. 25–26].

Чешский исследователь славянских древностей Л. Нидерле заметил, что у многих народов существовали и определенные запреты-обереги относительно послеродового (шестинедельного) периода с целью защиты роженицы и младенца [11, с. 162]. Согласно записей исследователей народной жизни XIX в. И. Беньковского, Н. Сумцова у

восточных славян существовала мысль о возможной подмене ребенка враждебными силами. В связи с этим до шести недель в доме нельзя было гасить огонь на ночь [16, № 10, с. 31; 2, с. 2]. В Заславском уезде (Волынь) считалось, что в этот же период роженице нельзя выходить за ворота, после захода солнца – выходить во двор; нельзя ходить через плотины, мосты, через реку, ходить в лес. Новорожденного ребенка также запрещалось носить по этим местам [2, с. 1].

Согласно традиционной педагогике русских, украинцев и белорусов нельзя качать пустую колыбель – ребенок будет болеть или умрет [16, №1, с. 86], или будет страдать бессонницей [6, с. 329]. Этнограф Д. Зеленин отмечал, что в северорусских губерниях следили за тем, чтобы колыбель не оставалась непокрытой: считалось, что тогда в нее может забраться дух, пугающий ребенка [6, с. 329]. У всех славян существовало верование о негативном влиянии лунного света на человека. Остерегались, чтобы месяц не светил на спящего человека, ибо он может заболеть. Особенно охраняли от лунного света младенцев [4, с. 23].

К злым и добрым духам обращались взрослые с целью воспитания послушания у детей. Исследователь воспитания детей в древние времена Г. Корнетов подчеркивает, что обращение к духам с воспитательной целью наибольшего распространения приобретает в эпоху разложения первобытного строя [9, с. 69]. У древних славян самыми распространенными такими духами были «Бука» и «Мара», сохранившиеся еще в XIX в. Согласно исследованиям украинского народоведа А. Ковальчука, Мара – это злой дух темноты, болезни и смерти, Бука – привидение с большим ртом, поедающее детей [7, с. 98, 99]. Русские, отмечал исследователь старины XIX в. И. Снегирёв, Букой пугали детей на Святках, также он обращает внимание на то, что ирландцы использовали похожее название – Роока [14, с. 35].

Изучая верования восточных славян, С. Токарев обратил внимание на то, что фантастический образ «Мары» имел важное значение в верованиях украинцев [17, с. 102–103]. Мара олицетворяла что-то злое, угрожающую беду. Ученый подчеркивает, что слово «мара» исследователи относят к древнему общеиндоевропейскому корню, который сохранился в фантастических представлениях западноевропейских народов, то есть можно предположить его существование в раннеславянский период (VI–IX вв.). Явление Мары, представлявшей в образе какого-то бесформенного существа, провещало что-то недоброе. Встречается образ Мары и в белорусских и русских верованиях, что опять-таки говорит о его существовании в домонгольское время.

В селах северных губерний России и Сибири детей пугали полудницами – русалками,

жившими в поле, считавшиеся охранительками нив, засеянных рожью, или ржаницей – женским существом, которое ловило детей, жарило их и ело. Например, в Архангельской губернии родители пугали детей так: «уже ты полудница съест!» [16, №7].

Исследования Т. Бернштам [3, с. 128] показывают, что полудницей считался также солярный дух, наказывавший смертью за неурочную работу в полдень, поэтому в это время все взрослые ничего не делали, отдыхали, приучая к этому детей. Древность полуденного отдыха и его сакральность объясняется, в частности, в «Поучении» Владимира Мономаха: «Спанье назначено Богом на полдень. По этому установлению ведь почивают и зверь, и птица, и люди...» [5, с. 168]. На значении обеденного времени у славян подчеркивал Н. Сумцов. Оно проявлялось в обычае крестьян соблюдать тишину во время обеда: детей приучали к тому, что нельзя стучать ложками об стол, качать ногами. Поверья эти, отмечал ученый, частью обуславливались древними воззрениями на стол, как на жертвенник, частью поверьями в полудниц [16, № 7, с. 39]. Таким образом, запугивание детей злыми духами регулировало их поведение.

Важное место в верованиях древних славян имел культ предков, пращуров, имевший большое влияние на воспитание детей. Предки считались покровителями, заступниками детей и после своей смерти, считалось, что их дух продолжал жить в жилище, помогая потомкам в беде, поэтому культ предков старательно прививался детям. Дух предков олицетворялся в образе домового – покровителя семьи и хозяйства. Почти везде он изображался в антропоморфном виде и в сознании людей ассоциировался с образом предка, умершего хозяина.

Происхождение этого образа, по мнению исследователей XIX–XX вв. А. Афанасьева [1, с. 180–182], С. Токарева [17, с. 97], касается того времени, когда с разложением родового строя отдельная семья стала самостоятельной общественной единицей. Это могла быть большая семья, сохранявшаяся на Севере Восточной Европы до сравнительно недавнего времени, или малая семья. В любом случае, обособленность семьи, ее судьба и счастье воплощались в образе невидимого домашнего духа-охранителя, который неустанно заботился о благополучии хозяйства, охранял семейный мир, заботился о детях и их родителях. В типичном образе домового соединены все основные черты, характерные для домовитого хозяина-патриарха. Он был самой старшей и почетной особой в семье домовладельца. Умирая, предки не покидали наследников навсегда, а, скинув телесные формы и соединившись со стихийными духами, как охранители продолжали незримо следить за своими потомками, помогали им. Собственно хозяином жилища, верховным распорядителем признавался дед-домовик, а настоящий, живой глава рода был только его представителем. Поэтому на Руси домового называли хозяином.

Точное расположение домового не определено, наиболее распространенные места – под печью, за печью, под порогом [17, с. 95]. С печью связывался не только семейно-родовой культ, но и культ огня, тесно переплетавшиеся между собой. Огонь в очаге был признан семейным, родовым божеством, охранявшим счастье дома и родственников, приумножавшим их имущество и обеспечивающим внутренний порядок [1, с. 181]. С давних времен у славян сохранялось представление о «семейном огне» и месте пребывания предков, отразившемся в обычае забирать с собой, переселять в новое жилище огонь из старого. Вместо огня можно было взять головешку или кочергу, ухват, или какой-нибудь другой атрибут печи. Сопровождался этот обряд, в котором участвовали все обитатели жилища – взрослые и дети, уважительным обращением к предкам с просьбой о переселении: «милости просим, дедушка, к нам на новое жильё» [1; 6 и др.].

Одним из древних названий, дававшимся домовому, есть «чур». Чурка, чурак (чурбан, чурбак) – обрубок дерева, полено, с помощью которого разводился огонь в домашнем очаге. В восточнославянских языках сохранились пословицы: «Чур тебе на язык», «Цур тобі, пек тобі», как призыв карающей силы огня на язык насмешника. Другая форма – «щур», сохранившаяся в названии «пращур», прямо указывает на предка [1, с. 183–183].

В древнеславянском обществе существовали постоянные связи между умершими предками и потомками. Славяне – взрослые и дети – почитали предков в специальные дни и во время праздников. Современный украинский ученый М. Попович обратил внимание на тот факт, что дни поминания умерших приблизительно совпадают с самыми важными праздниками годового цикла (весной – Фомино воскресенье после Пасхи; летом – русалии, Троица; осенью – «задушный день» у всех славян; поминки с кутей и узваром на Рождество), но отличаются некоторыми особенностями. Например, у белорусов, у которых сохранились очень архаичные черты верований, в терминологии поминок год уподоблялся дню: весенние, летние, осенние, зимние поминки соответственно называются «снеданье», «обед», «вечера» и «палудзень на радзіцелях» [12, с. 116].

Настоящим реликтом культа предков у белорусов XIX в. были семейные обряды «дзядов», отмечавшиеся четыре раза в год, наиболее осенью, в субботу в конце октября. Белорусы организовывали семейный ужин [17, с. 38]. Согласно описаниям Н. Степанова [15], во время праздника вызывали духов (тени) предков по определенному обряду: в заднем углу избы один из седых дедов призывал: «святые дзяды, зовем вас, ходите до нас: есть тут все, что Бог дал и чем только хата богата. Святые дзяды, ходите, летите до нас». После щедрого угощения происходило прощание с душами

умерших, которые должны были уйти: «святые дзяды, вы сюда прилетали, пили, ели, теперь улетайте к себе, да скажите, что вам ещё надобно, а лучше летите на небо». Оставленную для предков еду отдавали домашней птице или голубям и воробьям.

Также и у русских и украинцев последняя суббота октября называлась «родительской», дедовой. Взрослые и дети выходили на могилы своих умерших родственников, отправлялась церковная служба, после чего, по старому обычаю, происходила общая трапеза.

Сакральная связь детей с пращурами-дедами в Древней Руси, имевшая и воспитательное значение, четко прослеживается на примерах из жизни князей – в правах владения, в «княжих» именах. Исследователь славянских древностей В. Комарович отмечает, что когда князь отстаивал свои вотчинные права, он говорил сопернику-родственнику: «одиного деда есмы внуцы, а колико тебе до него, только и мне». Когда же была нужна особенная помощь в тяжелых жизненных ситуациях, обращались к «дедней молитве», поскольку связывало князя с дедом и носимое им «дедне имя» [8, с. 89–90]. Двойные имена наших князей различаются летописью на «княжие» («русские», «мирские») и крестильные. Например, о рождении сына Рюрика смоленского «Повесть временных лет» под 1173 г. сообщает, что нарекли его в святом крещении дедовым именем Михаил, а княжим – Ростислав, дедовым именем [10, с. 306]. Аналогичные сообщения имеются и под 1177 г., когда у Игоря Святославича родился сын, назвали его Святославом, и под 1192 г., когда у Всеволода Суздальского родился сын, то отец дал ему имя деда своего, Мономаха Владимира [10, с. 322, 352]. Присущий всем ветвям русского княжеского рода одинаково, этот обычай связывался с языческими представлениями о неразрывной связи живых и умерших родственников [8, с. 89], прежде всего дедов и внуков, что уже в те времена имело древние традиции.

Остатки культа предков заметны и в волшебных сказках. К ним относятся сюжеты о Золушке, о волшебных помощниках. К пращурам в сказках обращаются за помощью в сложных ситуациях [13, с. 147–153], дети разговаривают с умершими родителями, например, в сказке «Свиной чехол» (№ 111 из сб. «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», 1983), и даже оживляют (№ 81). В одних сказках на могилы родителей герои сказок – дети – приносят жертвы, например, корову. Если этого не делать, то покойник не будет иметь спокойствия и вернется в мир людей привидением. В других сказках дети ходили «сидеть» на могилу родителей по «три ночи», чтобы вернуть умершего в могилу, если он поднимется. Те из сыновей, кто выполнял волю родителей, получали подарки, например, коня, как в сказке «Сивка-Бурка». В сказке «Поди туда – не знаю куда, принеси то, не знаю что» (№ 84) царь посылает солдата сходить «на тот свет» и узнать, как поживает его отец.

Исследуя во второй половине XIX в. жизнь украинцев, Х. Ящуржинский отмечал, что почти везде принято было отвозить покойника на кладбище на возу или санях (как писал и Владимир Мономах в «Поучении» [5]). При этом возле умершего садились дети и только изредка взрослые родственники [18, с. 131], что опять-таки подчеркивает особенные отношения между детьми и умершими дедушками и бабушками и их значении в моральном воспитании.

Существование культа предков использовалось восточными славянами в воспитании трудолюбия детей. Исследователи XIX в., в частности А. Афанасьев [1], обращали внимание на то, что в поверьях про домового распространены были взгляды, что он любит те семьи, которые живут в мире и согласии, и тех хозяев, которые заботятся о своем благополучии, поддерживают порядок и чистоту в жилище, дворе. Если кто-то из таких хозяев и забудет что-то сделать (накормить коня, или замесить коровам), то домовый сам об этом побеспокоится. В то же время ленивым и нерадивым он не только не помогает, но и вредит: мучает скот, давит ночью хозяев и их детей, сбрасывает с печи и т.п.

Анимистические взгляды древних славян проявлялись и в способах лечения детей. В народной медицине в представлениях об этиологии болезней переплеталось рациональное с иррациональным. Некоторые болезни легко объяснялись видимой естественной причиной: от удара возникала рана или перелом, от простуды болело горло и т.д. Некоторые из таких болезней во все времена также рационально и лечили. Возникновение же других болезней (внутренних, инфекционных, нервных) объяснить видимой причиной было невозможно и тогда человек искал скрытые причины их возникновения. Поскольку считалось, что весь окружающий мир наполненный добрыми и злыми духами, причину болезни видели во влиянии на человека (ребенка) злого духа, или даже вселении в человека этого духа, духа болезни.

Болезни издавна у разных народов имели форму демонического существа. Демоническими существами представлялись и возбудители детских болезней. Древний человек олицетворял детские болезни и мелкие детские недуги. Суеверные представления народа наделяли человеческими чертами «плаксу», «криксу», «родимчик», поэтому возникли такие названия болезней, как Ревун, Вопун, Щекотун, Полуночица, Крикливец и др. Из-за страха перед болезнями, прежде всего особо опасными, их часто не называли, а заменяли эвфемистическими обозначениями: Тетка, Кум, Гостя [4, с. 29; 17, с. 102].

Способом лечения в этом случае было запугивание или задабривание духа. На поведение духов влияли заклинанием и принесением жертв, соответствующими танцами и песнями, использованием магических трав, магических предметов и органов магических животных, обращением к солнцу, огню, яркому свету и под. Для облегчения изгнания злого духа, можно было поместить рядом с больным ребенком какого-то животного, например, кота, в которого могли бы перейти злые духи.

Остатки языческих способов «лечения» детских болезней сохранились и в XIX в. Например, персонификация болезней проявляется в одном из способов лечения, распространенным в Вологодской губернии. Для лечения «полуношницы» в колыбель ложили игрушку, девочке – прялку, а мальчику – лук, приговаривая: «Вот тебе, полуношница-щебетунья, дело и работа, а ребенка не шевели ни во дни, ни с ночи, ни в какие часы» [4, с. 29].

Народная педагогика восточных славян сохранила обычай, существовавший в некоторых местах, откупаться от болезни принесением ей «жертв». Так, в средней полосе России использовался такой способ лечения: пекли 12 пирожков или пряников, шли с ними на перекресток улицы либо в лес, клали их на землю и приговаривали: «Вот вам двенадцать сестер, хлеб-соль, полноте меня мучить и отстаньте от меня». Другой способ такой: в правую руку брали горсть пшена, шли к реке, и, повернувшись к ней спиной, говорили: «Лихорадки, вас семьдесят семь, нате вам всем!» и бросали потом пшено через голову [17, с. 102].

Таким образом, верования древних восточных славян в добрые и злые силы отразились во взглядах на воспитание детей. Запугивание детей духами с целью регулирования их поведения получает распространение в эпоху разложения первобытного общества и существовало у восточных славян еще в XIX в. Наиболее известными злыми духами у восточных славян были Бука, Мара, Полудница, возбудители детских болезней, считавшихся демоническими существами (Ревун, Вопун, Щекотун, Полуношница и под.), добрыми – духи предков, чей культ старательно прививался детям.

Список литературы:

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
2. Беньковский И. Поверья и обрядности родин и крестин / И. Беньковский // Киевская

Старина. 1904. № 10. С. 1–3.

3. Бернштам Т. А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX – начало XX в.) / Т. А. Бернштам // Этнические стереотипы поведения. – Л.: Наука, 1985. С. 120–153.

4. Болтарович З. Є. Народна медицина українців / З. Є. Болтарович. – К.: наукова думка, 1990. – 231 с.

5. Владимир Мономах. Поучение // Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 163–168.

6. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 511 с.

7. Ковальчук О. В. Українське народознавство. Книга для вчителя / О. В. Ковальчук. – К.: Освіта, 1992. – 176 с.

8. Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. / В. Л. Комарович // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. – Т. XVI. – М.: АН СССР, 1960. – С. 84–104.

9. Корнетов Г. Б. От первобытного воспитания к гуманистическому образованию: Учеб. пособие / Г. Б. Корнетов. – М.: Изд-во УРАО, 2003. – 216 с.

10. Літопис Руський / [пер. з давньорус. Л. Є. Махновця]. – К.: Дніпро, 1989. – XVI + 591 с.

11. Нидерле Л. Славянские древности / Л. Нидерле. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. – 450 с.

12. Попович М. В. Мировоззрение древних славян / М. В. Попович. – К.: Наукова думка, 1985. – 167 с.

13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Наука, 1986.

14. Снегирёв И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды: в 2 ч. / И. М. Снегирёв. – Ч. 1. – М.: Советская Россия, 1990. – 160 с.

15. Степанов Н. П. Народные праздники на Святой Руси / Н. П. Степанов. – М.: Российский раритет, 1991. – 80 с.

16. Сумцов Н. Ф. Культурные переживания / Н. Ф. Сумцов // Киевская Старина. 1889. № 7. С. 28–46; 1889. № 10. С. 18–51; 1890. № 1. С. 60–90.

17. Токарев С. А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века / С. А. Токарев. – М. – Л.: АН СССР, 1957. – 164 с.

18. Ящуржинский Хр. Остатки языческих обрядов, сохранившихся в малорусском погребении / Хр. Ящуржинский // Киевская Старина. 1890. №1. С. 130–132.

{social}